

«НАМ ПОДОБАЕТ СЛЕДОВАТЬ ПРИМЕРУ СВЯТЫХ ОТЦОВ»

Беседа с Митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским Иларионом, Первоиерархом Рус- ской Зарубежной Церкви

Пятый первоиерарх – Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр, говорят, согласился занять высший в Церкви пост при одном условии – жить он останется в дорогом его сердце Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле на севере штата Нью-Йорк.

В мае 2008-го русское зарубежье еще переживало кончину митрополита Лавра. Еще никто не знал, что через полгода не станет и Святейшего Патриарха Алексия II.

Прибывший из Австралии первый заместитель почившего иерарха архиепископ Иларион (Капрал) остановился в гостевой комнате Синода. Спустя два дня он будет избран на пост Предстоятеля Русской Зарубежной Церкви, а на Вознесение состоится интронизация, которую в зарубежье называют старым русским словом – настолование.

Секретарь Синода выйдет с мантией и белым клобуком. Прозвучит троекратное «Аксиос!»

Из полученной в синодальных кулуарах информации о новом первоиерархе журналистов больше других привлечет одна, которую и поставят в заголовок: «Добрый человек из Нью-Йорка». Автор слегка переиначил фразу, которая действительно имела место быть: до отъезда в Австралию владыку Илариона, тогда епископа Манхэттенского,

и правда называли «добрым человеком... из Манхэттена». Говорят, что безработные и бездомные выходцы из России часто находили приют и помощь через владыку Илариона.

*Митрополит Иларион (Капрал) с
Курской-Коренной иконой
Божией Матери*

Курской-Коренной иконы Пресвятой Богородицы и ее паломничествах по разным епархиям России, Украины, Казахстана, а в этом году святой образ впервые отправится во Владивосток и Японию.

Могу рассказать о преподавателях, монахах, священниках, которые приехали из России, Украины, обогатив наши православные традиции. И этот обмен продолжается и расширяется. О сотнях студентов и молодых людей, которые ежегодно отправляются в Россию и бывшие страны СНГ не только для встреч со своими ровесниками, но и реально потрудиться – восстанавливать русские святыни на Соловках и в Тихвине.

Мог бы рассказать об изданиях, отснятых фильмах, возвращенных архивных документах. О всезарубежных съездах, совместных молодежных паломничествах... О заклю-

– Ваше Высокопреосвященство, пять лет Вы возглавляете Русскую Зарубежную Церковь в составе единой Русской Церкви. Что, на Ваш взгляд, дали эти годы единения?

– Оглядываясь назад, я думаю: с чего же начать? Могу говорить о ежегодном, можно сказать: возвращении на свою историческую родину нашей Путеводительницы –

ченых браках и уже родившихся в этих семьях детях на разных континентах. Да обо всем этом вы сами можете почитать в Интернете.

Но всего этого не могло быть без нашей совместной молитвы у Престола Божия, духовного обогащения евхаристическим единством с Церковью-Матерью, ее епископатом, духовенством, мирянами. Как у всех людей, у нас могут быть разные взгляды по некоторым вопросам. Важно, что единство нашей Церкви существует исключительно на основе Истины и чистоты. И потому восстановление молитвенного общения Русской Церкви, пять лет которого мы отмечали в прошлом году, мы считаем событием историческим и за последние десятилетия самым главным.

– Вы сами часто приезжаете и служите в Отечестве, молитесь у родных святынь?

– Гораздо больше святынь я посетил, когда был викарием в Нью-Йорке и епархиальным архиереем в Австралии. Сейчас только во время официальных церковных мероприятий нам удается послужить где-нибудь в Москве или Подмоскowie, а раньше я имел возможность ездить по святыням России, Украины вместе с нашими паломниками из разных стран. В первый раз, епископом Манхэттенским, я приехал в Россию в 1990 году и за два месяца паломничества – июнь и июль – посетил Валаам и Санкт-Петербург, Киев и Почаевскую лавру, где познакомился с наместником архимандритом Онуфрием, нынешним митрополитом Черновицким и Буковинским. Тогда же впервые встретился со своими родственниками на Украине. У меня всегда было желание узнать больше о семейных корнях, о своих двоюродных братьях и сестрах, но я не надеялся, что моя мечта когда-нибудь сбудется. Со временем познакомился и с другими своими родными в России, с помощью генеолога из Санкт-Петербурга узнал о родственниках до десятого колена.

– Владыка, а как Ваша семья оказалась за пределами Родины?

– Сам я родился уже в Канаде, а мои родители – в деревне Обениже Волынской губернии. Это маленькое село существует и по сей день в пределах нынешней Украины. Когда Волынь отошла к Польше, власти стали проводить политику ополячивания: в школах заставляли учить польский язык, в церкви старались ввести новый календарь.

Тогда отец предложил маме эмигрировать в Канаду, которой нужны были рабочие руки для освоения целинных земель. Там родились мои братья и сестры и я, самый младший. Дома мы говорили на двух языках – украинском и английском, а русский я освоил позже, когда приехал учиться в семинарию в Джорданвилль, в США. Как и большинство иммигрантов, мы вели «двойную» жизнь – канадскую и русскую, богатую традициями и духовным наследием, и никогда не разделяли наш народ на русских и украинцев: все считали себя одним народом.

Родители были людьми грамотными, но, как и все приезжие, постоянно жили в нужде: наша ферма едва позволяла сводить концы с концами, и отец постоянно искал работу.

Летом я помогал родителям на ферме: лет с восьми вместе с отцом трудился на косилке и сеновязалке. Потом уже часто самостоятельно работал на тракторе и комбайне, а лет с двенадцати стал управлять автомобилем. Как любому ребенку, монотонная работа мне надоедала, но когда подрос – благодарил родителей за то, что они с детства дали мне возможность познать труд и усвоить цену трудолюбия.

– За какие еще черты характера Вы благодарны родителям?

– За гостеприимство, честность, скромность в повседневной жизни.

Родители всегда довольствовались малым и простым, были добры и гостеприимны, и для меня такой стиль жизни тоже стал естественным.

– А кто повлиял на Ваш выбор принять монашество и стать священником?

– Большое впечатление производили на меня церковные богослужения. К нам часто приезжал совершать службы архиепископ Пантелеимон (Рудык), находившийся под омофором Московского Патриархата. Наша ферма располагалась не так далеко от городка Спирит-Ривер, что в переводе с английского означает «Духовная река». Среди украинских ферм стоял Троицкий храм, но постоянного священника в нем не было. Духовенство разных юрисдикций по очереди приезжало к нам служить и исполнять требы.

Облик архиерея меня сразу поразил. Шестилетний ребенок, я смотрел на него как на небожителя. Приходя домой, я собирал иконы и свечи и любил играть в «батюшку». Когда мне было лет восемь, в лесу, рядом с домом, я устроил «свою» потаенную церковь: украсил ее иконами и молился там.

Подростком я любил слушать религиозные передачи по канадскому радио, выписывал православную церковную литературу, журналы и книги. Владыка Пантелеимон иногда дарил мне то иконы, то книжечки и приговаривал: «Ты будешь батюшкой». Все годы учебы в гимназии я сердцем чувствовал, что это только подготовка к семинарии и священству.

В городе Эдмонтон я познакомился с епископом Русской Зарубежной Церкви Саввой (Сарачевичем), человеком высокой духовной жизни и необыкновенной доброты. Рассказывал ему о своем желании учиться в семинарии, а владыка вдохновлял меня своими рассказами о монашестве.

По его благословению я и приехал в Америку, в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле. Это было в ноябре 1967 года. Среди живописных ферм, лесов и озер стояла заснеженная обитель с прекрасным златоглавым храмом и большим братским корпусом – частичка Святой Руси. Первое время мне пришлось очень нелегко. Я даже заунывал, написал письмо владыке Савве и просил забрать меня к себе в Канаду – послушником. Но он ответил, что если у меня есть стремление стать настоящим монахом, то я должен остаться в семинарии и с терпением переносить все испытания. После его ответа у меня стало спокойно на душе.

Когда обучение подходило к концу, мне уже никуда не хотелось уезжать, настолько я полюбил обитель, монастырскую братию, ректора нашей семинарии архиепископа Аверкия (Таушева), у которого в последние годы его жизни нес послушание келейника. Это был человек глубокой веры и необыкновенной эрудиции. Нас поражала чистота его души и добродушие.

По окончании семинарии я немного преподавал, но в основном трудился в монастырской типографии: набирал статьи сначала для англоязычного журнала «Православная жизнь», а потом и для «Православной Руси» на русском языке. Так у меня развивался опыт и наборщика, и корректора, и редактора.

**– Вы стали одним из самых молодых епископов За-
рубежной Церкви – Манхэттенским, потом была
Австралия и Новая Зеландия, спустя 15 лет – снова
Нью-Йорк. Но уже не тот, что был в конце XX сто-
летия. Век минувший – целая эпоха в истории За-
рубежной Церкви. 90 лет она окормляла русских,
которые, в стремлении сохранить веру, куда бы ни
приезжали, везде первым делом строили храм. Из-
менилась ли сейчас миссия РПЦЗ? Какие задачи
стоят перед Церковью в наши дни?**

– Мы и сейчас стараемся сохранять то, что нам удалось построить за эти десятилетия: храмы, приходы, миссии и общины на четырех континентах, поддерживать и окормлять верующих.

У нас большой фронт пастырской и миссионерской работы в США. Сегодня мы наблюдаем уже пятую волну эмиграции, поэтому опыт миссионерской работы, накопленный в русском зарубежье, востребован и в наши дни. Почти в каждом городе Америки есть русские православные люди, которые нуждаются в духовном окормлении, в общине и священнике. Московский Патриархат, согласно Томосу об автокефалии Православной Церкви в Америке, не имеет права создавать новые приходы на территории США. Наша Церковь не связана такими обязательствами, но нам финансово нелегко строить новые церкви. С помощью Божией, однако, постепенно собираются общины, они находят средства и строят храмы. Среди прихожан много новообращенных – бывших католиков, протестантов, иезуитов, даже сектантов, которые в поисках Истины обращаются к Православию и становятся активными и ревностными членами нашей Церкви.

– Если посмотреть на богослужебную практику приходов Зарубежной Церкви, то богослужения в большинстве совершаются на церковнославянском языке и по юлианскому календарю, тогда как большинство Патриарших приходов служат по-английски. Значит ли это, что русское зарубежье старается хранить русский язык?

– Пока еще в большинстве наших приходов служат по-церковнославянски, а русский язык, действительно, сохраняется как язык проповеди и общения внутри церковной общины. Любопытно, что потомки первых волн эмиграции хранили знание русского языка, а дети тех, кто приехал из России 10–20 лет назад, часто не говорят на родном языке.

Но в целом, конечно, происходит естественная ассимиляция, что характерно для всех национальностей на территории страны. И если по-русски многие еще говорят, то из среднестатистических русских американцев мало кто грамотно пишет (я не имею в виду тех, для кого русский язык является профессией). И только по имени или фамилии можно узнать, что эти люди имеют русские корни. В церковь они приходят обычно раз в год – на Пасху. Православные женятся на инославных, и в таких семьях дети часто не воспитываются так, как нам хотелось бы.

В отличие от Восточного побережья, на западе США и в Австралии эмиграция более поздняя, много переселенцев из Китая, и потому там больше держатся русских традиций и языка.

– Приходские школы не спасают положение?

– Они необходимы, важны, но в целом охватывают небольшой процент русских детей. Кроме школьников мы должны не упускать из виду и молодежь. Меня радует, что наши священнослужители активно участвуют в проектах синодального молодежного отдела: организуют совместные с российской молодежью съезды, поездки по святым местам России, Украины. Возвращаются молодые люди полные впечатлений, многие находят свою вторую – и что важно: православную – половину. Особенно радостно, что молодежное миссионерство пошло на места – в приходы. Нынешним летом в рамках проекта «Тихвин» молодежь из столицы штата Нью-Йорк Олбани второй раз отправится трудиться в женский монастырь под Санкт-Петербургом.

Одновременно с миссионерской работой в традиционных местах проживания русской диаспоры мы стараемся основывать приходы и там, где люди ищут свет истинной веры, – в странах не православных и даже не христианских.

– Как вы добрались до этих стран?

– Это не мы их нашли, а Господь нам их направил. Первыми были гаитяне. Еще епископом Манхэттенским в 1990-е годы я ездил служить в Порт-о-Пренс, где была основана православная община. Тогда там был всего один приход и двое священников. Интересно, что сегодня все священники на Гаити по профессии учителя: и служат, и детей учат. Двое студентов из Гаити обучаются в семинарии Московского Патриархата во Франции, и желающих поступить в семинарию уже достаточно.

Две общины Зарубежной Церкви – в Доминиканской республике: в честь Казанской иконы Божией Матери и во имя преподобного Серафима Саровского. Доминиканские прихожане – это, в основном, русские жены доминиканцев, как и в соседней Коста-Рике. Наш местный священник до рукоположения учился в Советском Союзе, поэтому говорит по-русски, служит по-испански и по-церковнославянски.

Иеромонах Герман (Кастро) служит в местечке Камуала (Никарагуа), окормляя местное население, и мы надеемся устроить православный храм в Манагуа для наших соотечественников.

Совсем недавно священник Петр Джексон, до принятия Православия сам много лет бывший протестантским миссионером в Южной Америке, вместе со своей супругой ма-тушкой Стиляной вернулся из Гватемалы, где они посетили несколько тысяч новообращенных народности майя. Проанализировав отчет, я благословил отца Петра участвовать в устройстве в Гватемале православной семинарии (Греческой митрополии), которая будет готовить духовенство для более чем 300 новых православных приходов в стране, где в настоящий момент ждут священника.

Уже около десяти лет православная миссия РПЦЗ действует в Индонезии. Настоятель архимандрит Даниил (Бьянторо)

перевел православное богослужение на местные языки – индонезийский и явский.

– Недавно Вы рукоположили священников и для общин в Пакистане...

– До Пакистана сам я не доехал: все-таки решил прислушаться к предостережению об опасности пребывания в данный момент в стране православных иностранцев, поэтому троих пакистанцев рукополагать пришлось в Шри-Ланке. А в Пакистан служить ездит из Австралии отец Адриан Августос. Пакистан – вторая по численности мусульманского населения страна в мире после Индонезии. Христиан там всего около 4 процентов: половина из них католики, другая половина – англикане.

Сам благочинный и духовный наставник пакистанской общины иерей Адриан (до крещения – Вишал Августос) родился на севере Индии в городе Лакнау, учился в католической школе. Разочаровавшись в католичестве, ушел в Англиканскую церковь, но разницы между ними не нашел и начал узнавать по Интернету о Православии. Написал мне, и у нас завязалась переписка. Так как в Индии нет православной церкви, я предложил ему приехать в Австралию и пожить на приходе, чтобы проникнуться православным духом. Еще до приезда Вишал много узнал о Православии. В Сиднее я крестил его с именем Адриан, он молился в наших храмах, поступил на богословские курсы. После моего избрания первоиерархом он приезжал в Нью-Йорк и вскоре был рукоположен в сан диакона, а теперь служит священником в Австралии. В будние дни, как и многие наши священники, отец Адриан трудится на светской работе – в отделе по работе с клиентами одного из банков Сиднея.

В первую свою поездку в Пакистан отец Адриан крестил 174 человека, во время визитов в Пакистан и по Интернету ведет пастырские курсы для новорукоположенного духовенства, а местное духовенство ведет катехизаторские курсы для взрослых прихожан, занятия в воскресной школе для

детей. В Пакистане уже рукоположены три местных священника. Иереи Иосиф, Антоний и Кирилл до перехода в Православие учились в католической семинарии.

Недавно отец Адриан приобрел участок земли под строительство храма, создал Миссионерский фонд помощи новым христианам, на счет которого поступают пожертвования на строительство церкви в Саргоде.

Среди крещенных им недавно есть иранцы и афганцы. В Индии ревностные в вере христиане также основали общины, проводят катехизаторские интернет-курсы для желающих присоединиться к Православию и ждут священника. В таких отдаленных от православного мира странах большую помощь оказывает Интернет, который дает возможность найти необходимую справочную и контактную информацию, читать богословскую литературу и творения святых отцов.

– Некоторые критики говорят о поспешности рукоположения новообращенных в священный сан...

– Этой зимой я ездил в Индию, познакомился с обстановкой в целом и с представителями этих общин. И я своими глазами видел, как эти люди серьезно, трепетно и усердно готовятся к серьезному шагу в своей жизни: одни – к крещению, другие – к принятию сана. Люди эти горят, как свечи, среди чуждого им по духу мира. Если общине не дать вовремя священника, не начать служить литургию, никто не может знать, что ждет этих людей. Если они просят дать им Воды Живой, мы не можем и не должны отказывать.

К тому же мы сами более 90 лет живем среди инославного окружения, и у нас, в Зарубежной Церкви, есть опыт принятия инославных в Православие. Поэтому когда Господь посылает задачи, я не смею сказать Ему: «Нет». Когда люди хотят присоединиться к Церкви, иметь миссионерскую общину, я всегда стараюсь идти им навстречу, потому что наш

долг – исполнять повеление Спасителя: «идти, научить и крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа».

– Сколько времени Вы проводите в поездках, если учесть, что остаетесь еще и правящим архиереем Австралийско-Новозеландской епархии?

– Наша Восточно-Американская епархия занимает территорию от штата Мен и границы с Канадой до Центральной Америки (Никарагуа, Пуэрто-Рико, Доминиканская республика и Гаити). В год стараюсь посетить как можно больше приходов, но пребывание в каждом месте из-за плотного графика приходится сводить к минимуму. К тому же у нас не прерывается традиция всегда совершать архиерейские богослужения на приходах в престольные праздники. Попеременно на одних приходах служу сам, на других – два моих викарных епископа.

– Владыка, всем известен более демократичный, чем в России, стиль жизни и организация быта архиереев за границей...

– За рубежом мы не располагаем финансами для содержания постоянного штата: секретарей, келейника, обслуживающего персонала. Как правило, зарубежные архиереи о своем быте чаще всего заботятся сами: водят машину, готовят, стирают...

– В Нью-Йорке Вы не изменяете своим привычкам и можете быстро приготовить обед?

– Естественно. Люблю готовить супы на скорую руку. Часто сам «сочиняю» блюда. Не люблю долго сидеть за обедом: сам готовлю, быстро перекушу и снова за работу.

Но при необходимости наши прихожане всегда готовы помочь. На приходах

всех континентов и церковные старосты, и члены церковных советов, сестричества работают безвозмездно и сами жертвуют на нужды храма. Да и большинство священников и матушек у нас в небольших приходах в будние дни часто трудятся на светской работе как простые миряне.

– Владыка, сейчас часто пишут о различных увлечениях монашествующих. На Ваш взгляд, подобает ли монаху иметь хобби? Если да, то чем увлекаетесь Вы?

– Строго говоря, монаху лучше особо не прилепляться ни к чему, а иметь прилежание к молитве. Но я всю жизнь любил и собирал книги. В Австралии мечтал сделать мою библиотеку, собранную за 40 лет, основой для епархиальной богословской библиотеки. Большую библиотеку удалось собрать и систематизировать в Синодальном здании в Нью-Йорке, в нее вошли книги из собраний некоторых архиереев.

Нашим семинаристам я всегда советую, во-первых, пока молоды, больше читать, особенно богословскую литературу и творения святых отцов, потому что с годами времени на чтение будет оставаться все меньше.

– А что советуете во-вторых?

– Быть внимательными к каждому человеку, не стараться убегать от людей: быть «всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых», – так писал апостол Павел. Если кто-то думает, что быть добрым, вежливым, заботливым можно научиться с годами, когда станешь старше, то скажу: это редко у кого может получиться. К этому следует приучать себя с детства, с юности. А главное, помнить, что цель нашей жизни не в материальном благополучии и внешнем счастье, а в приобретении благодати Божией и подготовке к вечной жизни, и для этого, прежде всего, собирать следует сокровища духовные, которых у нас никто никогда не отнимет.

– Владыка, как Вы относитесь к тому, что у Вас, Предстоятеля Церкви, и поныне сохраняется репутация доступного и доброго «человека из Манхэттена»? Очень многие наши соотечественники помнят, как еще в начале 1990-х получали от Вас помощь, добрый совет, поддержку при устройстве в новой стране...

– Помню, что еще в советские времена, а особенно после падения коммунистического режима, много русских иммигрантов стало приезжать в Нью-Йорк. Молодые люди приходили и просили крестить их; многие не знали английского языка и обращались с просьбами помочь им заполнить те или иные документы. До этого я не был сведущ в работе с иммиграционными бумагами, но очень скоро научился... Но разве можно этим гордиться? Ведь доброта – это и есть требование Христовой заповеди, ибо «на всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых» (Притч. 15: 3). Да и древние святые отличались добротой и гостеприимством, и нам подобает следовать их примеру.